

СТЕНОГРАММА

Заседания Кабинета Шекспира и Западной драматургии
55-ое очередное заседание, посвященное Шекспиру
18 Октября 1947г.

Председательствует: проф. М. М. МОРОЗОВ.

проф. МОРОЗОВ: Наше совещание посвящено докладу Маревского на тему "Образ Шейлока". Я думаю, что это очень хорошо, что мы начинаем наш год с очень животрепещущих тем. "Белинский о Шекспире" это была наше открытие и сегодня большой день для нас — обсудить один из самых спорных образов Шекспира. И актер, который не только внешне, но и сердцем человека проник в Шекспира, который создал много шекспировских образов, играл крупнейшие шекспировские роли, мастер сцены, который тоже чувствует не отвлеченно, думает не отвлеченно об этом образе, а в том, как бы он его сыграл, — это является для нас чрезвычайно интересным моментом, который может принести нам шекспировскую мысль. А. Г. Маревскому представляется слово.

А. Г. МОРЕВСКИЙ:

Товарищи, должен сказать, что я не знаю, что тут учитывать — интерес многих присутствующих, или отсутствие интереса со стороны здесь отсутствующих? Это одинаковая преграда для такого неопытного мастера кафедры, как Ваш покорный слуга.

И первое, в чем я прошу Вас, присутствующих здесь, — ни на одну минуту не думать, что я настолько не опытный актер что собираюсь играть перед Вами ученика. То, что Вы услышите это никоим образом не шекспировведение, и прошу Вас востроения ко мне не подходить.

И еще одно прошу — если Вы со всей жестокостью, после всего того, что я скажу, противопоставите мне большие возражения, то у меня будет ответ определенный — не поняли, или не хотели понять моего слова о Шейлаке. Дайте мне его играть, а потом ругайте. Должен сказать, что в книге под названием "Шейлак и Шекспир", которой я согрешил и которая была издана в Вильнюсе к ... летию моей актерской работы, она была издана на еврейском языке, надеюсь, что она когда-нибудь будет издана и на русском, — об этой книге американский критик написал статью, в которой написал — Моревский в роли Шейлака. Я прошу извинить меня — зрителя за политику и человека, а писателя — за игру!

Это краткое предисловие к тому, что я собираюсь Вам сказать. Опять-таки я подчеркиваю, что на протяжении 7 листов своей книги я не был уверен, что смогу убедить читателя, что все это так. А теперь немного ближе к делу. Опять-таки извините за некоторый мой уклон, за известный способ изложения вопроса. — Актер не может быть по форме диалектиком. С чего же начать, товарищи? Начнем с того, что на своем долгом пути человека от оранг-утанга до Кина и Мэчлара в шекспировских образах, — отличает от зверя с тех пор, как он встал со своих четверенок и протянул руки к небу, — отличаясь человек от зверя одним определенным явлением — идеалом. Зверь не имеет идеалов. Не имел их и оранг-утанг! С тех пор, как человек перестал быть оранг-утангом и стал человеком, он стал бороться за идеалы. Эти идеалы всегда враги будущего коверкали, идеалы менялись с веками, менялись с местом. На один идеал, который осветил человеку на его пути тысячелетия

и который всегда был неизменен, это — идеал равенства. К равенству человек стремился решительно и не отступая от своего пути ~~жизни~~ в течение тысячелетий. И если мы возьмем старую древнюю метафору — образ иудейского пророка: "И будет жить с овцой волк и тигр дружить с ягненком", то это, конечно, образ внеклассового государства.

Товарищи, с течением веков мечта в ковче-самолете превратилась в аэроплан, наше время осуществляет далекие тысячелетние мечтания человека. И простите меня за резкое мое заключение — "Апрельские тезисы" это — изречение Исаии, это путь к политической реализации старой мечты пророка. Эти идеалы, конечно, пераждали правду человека, но эту правду враги человека, враги прогресса всегда искажали. И самым страшным искажением правды была не ложь, а сознательное искажение правды, враги прогресса знают, что ложью не убедить противников, ложь надо одевать в личину правды и тогда она становится наиболее опасной.

Что-же, товарищи, эта краткая предисловия к самому предмету, которую я позволил себе для того, чтобы очень резко поставить вопрос, на который каждый из вас может и должен ответить, не задумываясь. Шекспир изображает слябга человека, который стоит с ножом и с весами и сейчас будет вырезать мясо и кругом стоящие они все дрожат и боятся за жизнь Антонию. Товарищи, некуда дальше идти. Нелепость, просто бессмыслие. Не было этого и нет этого.

Мне было 20 лет, когда я написал в первый раз статью под названием "Раль Шейлока" — руководство для исполнителей. И было

это после того, как посмотрели замечательный спектакль "Венецианского купца" в Берлине с Рудольфом Шильтраут в роли Шейлака, — я очутившись в небольшой французской деревушке на берегу Ла-Манша, я стал изучать роль Шейлака, конечно, подражая Шильтрауту. И когда я вышел на сцену сюда и стал изучать эту патетику мести, то я почувствовал, что все это вранье. Как так может быть — стоит много людей, стоят солдаты Венецианской республики, все они обожают Антонио, все зны меня — Шейлака — ненавидят, а я стою и машу ножом. Этого Шекспир не написал, это может написать современный драматург. Тут что-то не то.

И в дальнейшем, начавши изучать, просто вникаться в него. Потом, под влиянием лекций в Сорбонне, понявши что такое Ренессанс, гуманизм и Возрождение, открывши фолиант "Венецианского купца" я в течение ряда лет построил совершенно новую концепцию "Венецианского купца". И когда я эту новую концепцию "Венецианского купца" стал проверять с текстом, то я, — простите меня, — стал считать, что все остальное была глупость. В лучшем случае это была глупость, все, что говорили прежде о "Венецианском купце", а в большинстве случаев это — сознательная лажь.

Должен сказать, что доклад, который я должен сделать, я задумал, как поэтику Шекспира. Я не задумывался, как будет выглядеть буря у Муссолини, об этом даже можно было спорить, а то, что "жид с ножом в руках", написал 900 лет тому назад пьесу Шекспир специально для Гитлера с Геббельсом, что все чудесно, но приходит "жид с ножом" и все вдруг меняется и становится скверным. Когда три года тому назад сжигали человеческую дель на костре в Берлине, то я интересовался, есть ли там Шекспир,

оказалось, что нет, что "Венецианский купец" Шекспира принадлежит Геббельсу. И вот я уверен, что это была ошибка, что "Венецианский Купец" должен был быть сжжен на костре Гитлера и Геббельса и они его украли оттуда, а его места была там, где сжигался дух Гейне!

Товарищи, было бы хорошо, если бы я мог прочесть Вам написанную мною статью по вопросу об образе Шейлака. Откровенно говоря, мне этого делать не хочется, потому что у меня тут полтора листа, и простите, если вначале будут несколько повторов мысли моего вступления.

Итак, "Образ Шейлака" / читает статью, - прилагается в печатном виде и стенограмме.

По окончании чтения т. Моревским статьи об Образе Шейлака, слушатели приветствуют прочитанное аплодисментами.

проф. МОРОЗОВ: Есть ли у кого либо вопросы. Пожалуйста.

т. КАГАН: Когда Вы говорите о том, что реплика Шейлака - "Вот как они всплыли" - привнесена в сторону, - Вы это основываете на ремарке, имеющейся в оригинале текста?

т. МОРЕВСКИЙ: Я сейчас говорил об этом товарищам перед лекцией. Мне кажется, что там даже написано "в сторону", но если через две строки Шекспир подчеркивает "Бассанио", значит он говорит в зрительный зал.

проф. МОРОЗОВ: Это вставка XVIII века. У Шекспира нет ремарки.

МОРЕВСКИЙ: Так как я очень хотел все свои положения строить на тексте, так это меня лишает в некоторой степени такой возможности. Но тем не менее, это не меняет существа. Ясно, что

он говорит не к ним, а к себе и зрительному залу. Так что на базе ремарки это так. Кроме того, мы разбираем положения не на случайных ремарках, а на общей картине. Основное — картина суда, так, как ее до сих пор показывали, есть нелепая мелодрама. Этого не может быть. Это маленькое извлечение из моей огромной работы. Но убедить можно только спектаклем. Меня однажды спросил польский актер, — а как Вы зрителя убедите, что вы не хотите резать Антонию? Против него стоит человек, который его ненавидит, а за что он его ненавидит? Он весь спектакль никому ничего не делает, ведь все положение построено, что он хохотал над ~~этим~~ этим обществом и рассказывал в духе, ему желательном, об этом. Вот комедия. Конечно, все это зависит от миллиона толкований. Я в своей книге пишу. Черный принц должен произвести на зрителя такое впечатление, чтобы они возненавидели, он просто говорит, а вы видите, что он собирается прирезать Марию. А у Рейхарта, когда он уходил со сцены, то публика вытирала слезы от этого черного Маркиза. А весь этот чудесный эпизод 5-го акта, **Ведикаленно!** Эта пьяная Венеция. Нам, чтобы стояла тень этого шута. — Где дом Шейлака, — поставить это в таком вопле — "Где дом Шейлака!" и огромное молчание. Они начинают пить и целоваться. Если актер придет и скажет — я пишу в книге очень много о том, что есть пафос и монолог. Если бы, когда нас шекочете, мы не смеялись, когда мы заблели мы не плачем, а когда вы нас эскорбяете, разве мы не должны мстить? Дайте мне такую картину, когда он узнает, когда ему говорят, что дочь подарок его жены, тогда невесты, променяла на обезьяну. И если бы речь не шла о ноше кухонном с весами. Ведь это же кошмарная шутка, ведь Шекспир этого не думал!

МОРОЗОВ: Есть еще вопрос. Нет? Может быть ктонибудь выскажется. Пожалуйста, тов. Левицкий.

Л е в и ц к и й.

ЛЕВИЦКИЙ: Я, между прочим, как раз видел тоже спектакль, который видели Вы, тогда играл Шилькраут. Вот я бы и хотел из непосредственного живого зрительского впечатления поделиться тем образом, который был сделан Шилькраутом. Вы тоже говорите о сценическом воплощении, а не просто об одной критике, и я видел Пассока, который создал несколько иной образ. И неверно, что Гейне, который сравнивает образ, созданный Кином и образ, созданный французом Бейи, тут в чем разница? Пассок именно дал тот тип, приблизительно тот образ в таком предложении, как говорите о нем Вы, т.е. дал образ страдающего человека, человека доведенного до крайности, у которого ум за разум заходит, и он говорит, что я должен с ним расправиться. И на меня этот образ, созданный Пассоком, произвел интересное впечатление, именно как образ человека, которого обуревают мечь и в то же время очень страдающего человека, который относится с расовой точки зрения к угнетенной расе, и с точки зрения его традиции, потому что его традиции противостоят традициям Антонио. И когда я отправился смотреть Шилькраута, то я с предубеждением смотрел на этот спектакль и на то, какой образ создал Шилькраут, — ростовщик, матерой вояка, необыкновенно расчетливый, так что Антонио, с его длинными волосами, фигурой времен высокого Ренессанса, — образ в известной степени нереальный, человека, который привык тратить деньги широко, не задумываясь. И

рядом с ним — этот расчетливый ростовщик, который сам отказался от всех удовольствий для себя и вместе с тем копиет эти богатства, как пушкинский Окупай Рацарь, и когда он сдает деньги Антонию, он говорит — Антонию хороший человек, это значит только, что его векселя хороши, и он так держит руки и говорит: "

/цитата на немецком языке/, и он начинает бухгалтерски точный подсчет востри. И это человек необыкновенной силы, не угнетенный, а когда смотришь на него, то это не несчастный человек, а матерый волк. И этюдъ это не есть профиль иудея, потому что мы знаем такой профиль, как Уриэль Акоста, или Спиноза, это же совершенно другой профиль. А здесь профиль человека, который в силу известной традиции, угнетенности был заточен в это гетто, не имел права заниматься ничем другим и он стал ростовщиком. И конечно, гений Шекспира заключается в том, что он подошел беспристрастно, с одной стороны, он подошел в принципе ростовщичества, но с другой стороны, он не забывал того, что он давал деньги на проценты, и исторически мы знаем, что Шекспир и сам это делал. И он беспристрастен.

Но тут Вы правы. — Так же, как в "Отелло" они издеваются над Отелло, и в силу этого — это недоверие: с одной стороны мир Отелло, с другой стороны мир этого Яго, в котором он видит, что они в известной степени разварты, и в его мозгу все приобретает другие размеры. Точно так же, в Шейлок не эти два мира — мир настоящих, в котором живут люди, которые не привыкли рассчитывать, с другой стороны Шейлок — расчетлив. Ясно, что в конце концов они, конечно, не оправд-

шны, они его прежде презирали и до того, как он придумал этот вексель они его презирали, они плевали, ~~на~~ его руки невольно сжимались в кулаки и он задумал месть. И Шекспир беспристрастен, — что раз вы мстите, то и мы мстим. И

Шекспир ~~еще~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~подписывается~~ ~~под~~ ~~этим~~, что он герой, герой страдалец и он не ставит знака равенства. И Шекспир ~~еще~~ ~~раньше~~ ~~может~~ ~~быть~~ ~~не~~ ~~знал~~, они в то время в Англии не жили, но он подошел беспристрастно, — с одной стороны, как эти люди третируют его, с другой стороны — он им отвечает.

И Шейлок и дачь свою любит и Вы правы, что после всего пережитого — бегства дочери и такого обмана — у него ум за разум саходит. Но я не согласен с Вами, что все это было не серьезно. Нет, когда он беретя за нож, когда к нему обращаются и говорят, что надо быть милосердным, он говорит — нет, они ко мне не милосердны. И я помню, как он с такой злобой на него бросается. И я помню критика тогда говорила, что он дал образ фанатика, который ни перед чем не остановится. Когда Шилькраут на него бросался, то становилось страшно. Так что это было реально.

И сама построение новеллы не даст оснований считать, что это не серьезно. Нет оснований говорить, что он разгневает шутку, напротив он не может до конца свою месть.

МОРЕВОЮЖИ: А почему Пассок прав?

ЛЕВИНСКИЙ: Он несколько в комических тонах, а это та- кой матерой. Мы должны разбирать образ таким, как он есть. Он его задумал как ростовщика. И Кин его играл тоже так. Точно так-же, как Отелло. Дело не в том, что Отелло ревнив,

а в том, что он вождь — полководец, а предлагаемые обстоя-
тельства другие. Вы говорили, что неплохо сыграть Шейлока
и в юмористическом тоне, Вы говорили, что Вы привлекли нас
обратить его на сцене в трагическом разрезе. Совершенно вер-
но, конечно, после Шилькрауфта предстал его в юмористиче-
ском плане. Райхарт расширил глаза — что такое, посмотрел,
— нет, выходит интересно и взгляд перестроил образ на новый
лад и получился настоящий комик. И Вы говорили, что все
это шутка, тогда в юмористическом разрезе вся эта доля
страданий разрезается и приобретает другой план. Говорить
о том, что это герой, конечно, смешно, потому что рядом
есть Натан Мудрый и Гитлер Натана Мудрого заиретил, а Шей-
лока разрешил:

ГОВ. КАГАН: Возражать Абраму Вениаминовичу на
его концепцию очень трудно: во первых, ~~вотому что~~ с сама-
го вступления Абрам Вениаминович поставил вопрос так, что
всякая гнвя ^{точка зрения} ~~каждый~~ Шейлока будет по собственному
~~мнению~~ Геббельса, который считает "Венецианского Купца"
"произведением" ^{и не позволяет} его на костер. Итак, — возражать, зна-
чит присоединиться к фашистскому лагерю, к хору фашистов,
который ~~желает~~ ^{желает} исключить Шекспира из того, что заслужива-
ет почетного места на фашистском костре. — ~~Итак~~

Вторая причина та, что Абрам Вениаминович в свою
концепцию вложил такую громадную силу художественного пе-
реживания ~~в ораторском и прозаическом~~, против которой
^{очень трудно спорить словами} ~~никакого~~ ^{порядка} ~~логическому~~ человеку не художествен-
ной профессии, не смершему претендовать ни на какую худо-

что - очень опасно играть эту вещь сегодня, очень многие могут захотеть понять ту или иную сторону показанно. Еще не отзвучали отзвуки гитлеровского фашизма, еще живет не-фашизм, еще не выжаты все пережитки старого даже на нашей ~~шестой~~ шестой части земного шара. Но я утверждаю, что рисковать играть эту пьесу можно только в том случае, если есть уверенность в том, что обе стороны доведешь до зрителя и покажешь в той сложности, в какой показаны они Шекспиром.

Абрам Вениаминович говорит: - если бы Шекспир хотел ~~изобразить~~ ^{изобразить} страшного человека, жестокого человека, убийцу, - разве бы он показал его несправедливо осужденным? - Я на это отвечаю - в классическом нет, а Шекспир да, потому что он рисовал явления в тех колоссальных ~~чужденных~~ ^{чужденных} ~~противоречиях~~ ^{противоречиях}, в которых ~~рождается~~ ^{рождается} их жизнь. Назовите, товарищи, видите явления во всем его противоречии, ~~и в единности говоря~~ ^{восхи} если ~~мы не можем~~ ^{мы не можем} ~~понять~~ ^{понять} эти противоречия, если нам приходится ~~считаться~~ ^{считаться} с очень кучей шаблонной мыслью, ~~тогда~~ ^{некоторые} ~~подождем~~ ^{дежурными} ставить эту пьесу. Но если ставить ее, то со всей остротой, направленной против мира реакции?

И правда гуманизма против происков изверства, правда нашего народа против всех тех исторических скорблений, которые ему ~~нанесены~~ ^{нанесены} ~~нанесены~~ ^{нанесены}, - зна-так ~~что~~ ^{непреодолима} ~~не надо~~ ^{не надо} ~~скрывать~~ ^{на вторую сторону этого произведения} глаза: ~~на вторую сторону этого произведения~~.

Я полностью присоединяюсь ко всему, и не в всякому случае в основном, ~~сам~~ ^{сам} ~~в чем~~ ^{в чем} ~~говорит~~ ^{говорит} Абрам Вениаминович в отношении ~~подлинности~~ ^{изображенной в Вен. Копии} ~~мир~~ ^{ренессансного мира} ~~и~~ ^и ~~там~~ ^{там}, - что здесь перед нами раскрыт хищнический эксплуататорский мир, и что слова Шейлока ~~и~~ ^и ~~как~~ ^{как} Вы сами поступаете с вашими раба-

И Шейлок тоже ~~ушмлен~~, но Шейлок диаметрально противоположен неокспировским идеям ~~этом~~, что Шейлок ~~есть~~ человек очень определенных моральных норм; и страшная, мрачная сторона этого образа несколько не становится для нас более светлой от этих моральных норм. Шейлок ~~есть человек~~ идеологичен растущего барыша, Шейлок человек, который провозгласит формулу: "Благословен барыш, если не украден", это замечательная формула ~~он~~ ~~закрывает~~ ~~причуду~~ ~~о~~ ~~Якове~~ ~~и~~ ~~Лавана~~, которую ~~он~~ приводит ~~и~~ ~~какое-то~~ цитаты из Библии. Шейлок убежден в том, что собственность есть безусловно, посвященное моралью право. И тем то и страшен Шейлок, что он стяжатель и что при помощи этого "честного барыша" он накачивает в свои руки ~~и~~ силу, которая может ~~убить~~ человека. ~~и~~ ~~капитал~~ ~~и~~ ~~своими~~ ~~ее~~ ~~стремит~~.

И образ Шейлака, как одного из ~~идеологов~~ ^{аналогов} морали ~~и~~ ~~новой~~ ~~морали~~ / ~~большой~~ и мрачной надеждающейся эпохи, этот образ есть классическая вежа в истории ~~буржуазной~~ литературы и культуры. Этот образ стоит у истоков ~~буржуазного~~ общества, где во имя новой морали, во имя ~~"честного"~~ ^{честного} барыша будут делаться страшные вещи. ~~и~~ Шейлок как-то по своему ^{перекликается} с Гобсеком. А Гобсек ведь тоже ~~есть~~ человек определенной морали, он тоже не кладет в карман чужого.

И мне кажется ~~пробовать~~ ^{как} Шейлака ягненком ~~и~~ ^{Христианина} ~~и~~ ~~как~~ образ ~~и~~ ~~закрывает~~ ^{глаза на ту} ~~силу~~, которая становится опорой для его большой мотивированной злобы, это значит выбрасывать ~~и~~ ~~агрессивнейшей~~ ~~ценности~~ ~~сторону~~ из истории реализма, это значит абдентать Шекспира. А этого делать нельзя ^{как раз} ~~во~~ ~~имя~~ ~~крутого~~ ~~и~~ ~~того~~ другой страшной правды - мерзости национального угнетения, издевательств над национальным достоинством; нельзя ради этого затуманивать классовую сторону этого образа, нельзя хотя бы

ради
 того, чтобы выше поднять знамя гуманизма в этом национальном вопросе; для ~~этого~~ ^{того же} надо со всей четкостью сказать что только ликвидация этой страшной силы собственности может ~~преодолеть~~ ^{преодолеть} и это страшное ^{науверство} или реакцию.

А то, что Шекспир разные силы зия, разные ^{стороны} реакции ^{как резко различные краски} в образе ^{одного и того же} героя, это есть шекспировский особый художественный метод, который не делает из образа тезиса. Только так ^и ^{этот образ} можно ~~его~~ разрешать, и в той аудитории, которая не поймет этого разрешения, нельзя ^{или надо в эту постановку вложить очень большое} ставить эту вещь; ~~иначе это будет совсем другой~~.

трудно
 выполнить
 эту большую
 задачу.

Я, товарищи, в качестве преподавателя западной литературы, испытываю иногда очень трудные моменты на кафедре, когда я говорю о "Венецианском купце". ^{Мне} надо очень много сказать о разных сторонах этого образа; ~~я~~ ^я мне надо с гражданской силой, а никак не мещу прочим, раскрыть перед студентами великое ~~моральное~~ единство человеческой природы под рамками разных национальностей:

Но эти трудности ни в коей мере не дают мне права затуманивать ^{одну} ^{лучше} старану; это только значит, что стоит очень сложная диалектическая задача, которую мы ^{выполнить} обязаны, научить людей понимать ^{жизненные} ^{во} ^{отношения} всей той диалектике, которую ~~мы~~ ^{мы} знаем и Шекспир:

ЛЕВЕКИН: Мне кажется, что докладчик высказал очень интересное и правильное положение в своем докладе и мне кажется, что выступавшая сейчас тов. Каган высказала также очень интересные и справедливые положения. Эти два выступления, хотя они и были противоречивы по форме, но они со-

оставляют ту тезисную антитезу, которую и должен дать большевистский синтез.

Докладчик справедливо заинтересовался тем, что "Венецианский купец" не попал на фашистский костер: И действительно, две пьесы Шекспира "Венецианский купец" и "Кориолан" являются теми пьесами, которые так удачно избежали фашистского костра и чаще, чем другие появлялись на фашистской сцене, потому что они оставляют в своем тексте и в своей традиции намеренно определенные возможности и лазейки для их фальсификаторского использования.

И совершенно правомерно в конце доклада поставлен самый больной на сегодня вопрос, ибо в этом должна заключаться принципиальность большевистского шекспироведения, что поскольку существуют буржуазные фальсификации в очень сложных и трудных шекспировских образах, до тех пор мы не должны быть спокойны, пока нам не удастся этим фальсификациям противопоставить нашу советскую концепцию, наше разоблачение этих фальсификаций!

Бесспорно, что вопросы Шекспира могут решаться только на сцене и наша задача помочь мастерам сцены найти правильное сценическое решение. И в этом отношении я хотел совершенно солидаризироваться с докладчиком, что трудность не есть основание для того, чтобы уклониться от решения вопроса, наоборот нас это только может привлечь и мобилизовать наши силы для решения этого вопроса!

проф. МОРОЗОВ: У нас сегодня был очень интересный доклад и очень интересно и правильно здесь высказывались. Все это очень интересно и важно!

что здесь важно и что интересно? Конечно, "Венецианский купец", когда он шел на сцене обычно, будем объективны и будем говорить о задачах актеров и т.д., — объективно говоря, — играл определенно антисемитскую роль. Это несомненно, товарищи. Я знаю, что "Венецианский купец" оказывал определенно антисемитское воздействие на сцене. Это было так, и это было результатом чего? У нас очень любят теперь все идеализировать прошлый театр, а это был фант, что это создавало определенное антисемитское воздействие. Я знаю это очень хорошо. Я помню, как играли тогда "Венецианского купца" и как на это реагировали дети, это значит, что была долгая традиция и какое то искажение Шекспира.

Вот товарищи, то-же самое и "Отелло". Если играть Отелло, как резнища, получается определенная мораль — не выходи замуж за черного человека, — вот была хорошая девушка, вышла замуж за черного человека и он ее задушил. А у Шекспира тут звучит громадная тема утверждения природного равенства людей: В "Конец — делу венец" надо обязательно процитировать слова короля, что кровь всех людей одинакова по цвету, весу и теплу, почему то они встречаются в знаменитом монологе Шейлока, понятно поэтому, что у Вас возникает стремление создавать новый образ. Я понимаю, что тут могут не согласиться, это всегда так, но важно то, что мы разрубаем, совершенно неправильно вообще это деление на два мира — светлый мир Антонио и мрачный мир Шейлока. Это совершенно не верно. Антонио и все — это живые шекспировские люди, власть золота, конечно, давит над всеми. И английский

шекопировед Хэлит правильно заметил, что эта атмосфера холодная, жесткая, сдержанная Венеции, которая потом Шекспиру послужила для "Отелло", он совершенно правильно сказал, что это та-же Венеция - Венеция Отелло.

Нельзя рисовать Джессику положительной, но уж совершенно нельзя сказать, что она уже такая до конца "стерва", я не склонен ее идеализировать, как один фашистский критик Эллинский, который сказал "улыбка Джессики", тут, конечно, никогда спарачивать нельзя, это шекопировский образ, у которого разные стороны. Вот это очень верно говорила тов.Наган, что у шекопировских образов разные стороны. Джульетта узнала, что умер Дебальга и схватилась за кинжал, она могла убить, потому что она разная, и Шейлок разный! Он раставщик, это, конечно, в глаза Шекспира ужасная вещь, возьмите всю переднюю литературу того времени, там раставщики это ужасная вещь, это от средневековых времен. Возьмите, он приходит в Дассут, и тут я считаю, что для людей Ренессанса то, что он хотел вырезать "кусочек мяса" это обычная вещь. Шейлок Ренессансовский человек, с их точки зрения в этом ничего плохого нет, они все такие. Возьмите Марра, напрасно вы этого человека осуждаете, мальтийский еврей, что это антисемитская пьеса? Нет. Потому что там есть замечательная дочь еврея и она любит и они гибнут, тут этого нет, но это человек, кипящий страстями Ренессанса. И Отелло он не пошутил, что задушит Дедеману, он задушил ее самым настоящим образом. Они разные и понятны, что они режут. Так что и Шейлок не шутил? Как говорил один кумынский актер, в зрительном зале, когда шел "Отелло", зрители кричали - зачем душишь Дедеману, анижалом ее режь!

Вот только Вы напрасно с Гамлетом что-то общее нашли,

Вот с Лирам скорее есть общее. Лир сначала рассердился, а потом выедал слезы. И Кин тоже выедал слезы жалости. Эти слезы выедал Эдмунд Кин, который сказал, что мне жаль, что я так мучаю этого человека. Это у Шекспира есть, но это не исключает того, что он давал потом деньги в рост. И Шекспир деньги в рост давал и сам себе был противен. Это люди разных охвистов.

Но то, что Вы дали жизненную пьесу, что Вы разрушили озлоченность этого Антонио, это очень хорошо. Это гениальный монолог. Но ведь это чувственность, вот то, что Вы чувствовали в этом отношении мысль, это очень правильно. Но только неправильно насчет ягненка. Это львы, львицы и львы, а не ягнята. Так что вот, как мне кажется.

А в целом это очень хорошо, такой пафос, это новая мысль, потому что Вы правы, что шипели несмотря на трудности мы должны вести пропаганду этой пьесы, потому что эта пьеса для сознания очень многих людей звучит так, что Шекспир был антисемитом. Очень многие так понимают. Так что я думаю, что мы еще раз можем поблагодарить Вас за интересный доклад.

Г. МОРЕВСКИЙ: Мне придется, конечно, ответить на то, что я от Вас слышал, и вот почему. Я сразу сказал, что дайте мне сыграть, а потом будем говорить. Видите-ли, товарищи, тут разрешите мне немного отойти на карточный момент и сказать о моих режиссерских парадоксах. Я всегда говорю режиссеру, что когда актер на первой репетиции играет, то ты к нему не подходи со сценической задачей, как ты ни подходи, что ты сегодня вышел не так, как всегда, а он с женой поссорился. Тут задача актера в том, чтобы играть, читая значительно больше из своих книг. А если бы он сыграл вам это убедительно и

Вы бы сказали — почему ты не в Шейлоке давая монолог в 5-м акте, не сказал, что Шейлок это начало буржуазии? — Пришлось бы этому актеру пойти и повеситься!

То, что Лидия Вениаминовна говорила это необычайно интересно, но разрешите мне быть нарочно грубоватым для того, чтобы я не казался не на месте. Потому что здесь идет речь не о Шекспире, а об актере, которому не дано его сыграть: что мне делать в кабинете Шекспира? А я прихожу и усаживаюсь, — не пьют чаю, так давайте поблудсабстнуем. Так что это чем богаче, Лидия Вениаминовна, чем субстантивнее Ваша постройка, тем она меньше на месте здесь, потому что небо-склон чудесен для женщины и коттеджа тоже. Я не решаюсь вступать в спор с Вашими конструктивными предложениями, они богаты остроумием и чудесны, но, товарищи, я настаиваю, даже как шекспировед, что правы не Вы! Потому что положительная мораль Шекспира христианства, конечно, Гамлет это Христианин старший папу, а говорящий о долге совести. А что я взял в Шейлоке, — герой, центральная фигура "Венецианского купца", это Венецианский купец Антонио, который говорит о любви к ближнему, и если Вы Шейлока заставите на суде встать в ту позу, в которой Вы говорили, то Шейлок и Шекспир выиграют и ему места на костре нет. Шейлок огромен и страшен в тот момент, когда он думает, что он будет резать, потому что он не Ренессансовский тип, а Ренессансовский тип Грациано?

Позвольте мне вернуться к моему и сказать Вам, что я не настолько глуп, чтобы сказать, что я бы показал Вам Шейлока так, что Вы бы забыли кино. Тут речь идет об актере, который мог бы его сыграть, а я за 2 года своей жизни не мог сказать

что я могу его сыграть. Я могу сказать, как на одну репетицию выписали из Москвы другого актера, потому что я наступал на ноги, а на завтра мне говорили — зачем мы выписывали, ты можешь его играть прекрасно. А я буду говорить о Шейлаке, которого я сыграл через два дня после моей смерти. И если когданибудь придет актер с совестью Философской, с тем комплексом идей совести, революционного сознания и пр. и пр., он будет очень похож на меня и сыграет этого Шейлака так, как я его хочу, то пожалуйста, не противопоставляйте ~~ему~~ других, хотя бы и чудесных конструкций. Конечно, Кин был вдовдленен в Шейлаке, и Зеллинский сделал это, и тем изумительнее играл Шейлака актер Стемпковский, и он умудрился надеть кафтан современного польского еврея и они из Шекспира сделали антисемитскую прокламацию, и для того, чтобы этого не было дальше, не давайте ему сценически серьезно нота, ибо тогда Шейлак перестает быть тем, что нам с вами нужно. Мы не делаем тогда старые понятия о Шейлаке, если люди будут думать, что он будет серьезно играть!

Повторяю, замечательна, товарищи, Ваша конструкция, и сама себя разумеется, что если Бешенский говорил, что "Гамлет, это я, это каждый из нас", то он говорил не о себе, он говорил о веках, об эпохах. Шекспир дает удивительный материал, из которого каждая эпоха может брать чтонибудь свое. И вот такая мысль — Шейлак представитель будущей буржуазии, это притянута за уши, но это можно, у Шекспира все можно. И Вам когданибудь покажу свою книгу, я там пишу об этом. И показываю, что у Шекспира все можно.

только одного нельзя. - Шекспира нельзя снимать с геббельсовского вэстра. И для того, чтобы в корне убить эту бациллу предвзятости, по моему убеждению, истолковать Шекспира философски и режиссерски можно только так, как я его трактую. А так с другой стороны кто-нибудь придет и скажет: "Ах, но!" Нет, Шекспир не мстит.

И последнее относительно национального вэстраса. Вы говорите, что не надо замечать ради национальных классовые мотивы. Один гражданин достал атрез на костюм и ему надо было этот костюм стить, он искал кто-бы кто мог сделать и не нашел, ему сказали, что в трех часах ходьбы живет портной, он пошел к нему, стал материал и сарсон, когда костюм будет готов. - Если вы будете задавать мне эти вопросы, я не буду шить; - Через полгода он пришел, портной разговаривать не хочет, через два года, - тоже. Пришел через три года, костюм готов, замечательный. - Сколько стоит? Ему говорят - три с половиной тысячи. Что вы говорите? - столько денег? - Бог создал мир в 6 дней, а вы три года делаете костюм и хотите такие деньги. Он говорит - вы пришли, посмотрите на мои штаны и на этот мир, и пожалуйста не сравнивайте. Не будем у Шекспира трактовать национальный вэстрас так, как он сейчас стоит: актер это живая жизнь. Я прошел школу Оуберина, я очень хорошо знаю, что такое антисемитизм. Мне царь Николай руку жал, а на следующий день я уехал без права возвращения. Мне сказали вы не знаете трех вещей: не знаете, что такое библейская гордость, что такое актер и что такое этот мальчик, он царю выдавать не будет. Антисемитизм у Шекспира не трактуется, нет у него у-

верждения антисемитизма. И плохо было бы борцам против антисемитизма, если бы Шейлак был его помощником. Для борьбы с антисемитизмом у меня найдутся другие мотивы. Не смейтесь, у Адольфа Гитлера его маршал авиации Мирх еврей, он надерное говорил - вас вкресали, а мне наплевать. Антисемитизма таким, как он вырос теперь, во времена Шекспира не было, поэтому сам Шекспир до этого не высказывался, до этого выросла наше время. Так не будем требовать у Шейлака ответа. И было бы плохо, если бы антисемитизм отвергали тем, что сказали, что я вырежу тебе грудь. Жизнь ответит антисемитизму. Но я должен сказать, что варшавские евреи называли антисемитизмом, когда им предписали перестать ходить в баню. Мы антисемитизмом часто называем вещи, когда они совсем не антисемитичны. Товарищи, Вы мне поверьте, что я не очень убежденный антисемит, но когда мне один очень уважаемый московский профессор с большой болью говорит, что - вы понимаете, я старый коммунист, и при эвакуации Университета ему говорят, что Россия для русских, а он говорит со страшным акцентом, а в университете, если не хотят слышать чистую речь, то это не антисемитизм. В Москве рас'евреивают, но это не антисемитизм, а это процесс.

МОРОЗОВ: Но если сыграть Шейлака, нужно узнать, как он проведет в Маджарскоке.

МОРЕВСКИЙ: Так что, товарищи, я прошу примите меня такого, как попытку в будущем построить спектакль на такой линии. Я пришел в кабинет Шекспира с громадной

наконец моей боли, и я хочу, чтобы кабинет Шекспира был
неиссякающим источником новой творческой силы для тех, кому
Шейлакс и Шекспира играть будет суждено и буду рад, если
мои старания дадут какие-нибудь плоды для помощи Вам.
Благодаря Вас.

/Антикисменты/.

МОРОЗОВ: Поблагодарим еще раз дольщика и всех
присутствующих и закроем наше заседание!-